

*Ю.С. Христолюбова**

**Жизнь русской общины чаоторговцев в Ханькоу
со второй половины XIX до середины XX в.**

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена русско-китайским отношениям в области чаоторговли. Исследуются подробности жизни русского сообщества чаоторговцев в Ханькоу в период с середины XIX до середины XX в. Благодаря сохранившимся мемуарам рассмотрены особенности ведения дела, предпринимательские новшества, аспекты быта, досуга и культурной жизни русских купцов и их семей. Проанализированы причины возникновения и упадка российского чайного бизнеса в Ханькоу, поскольку геополитические интересы изменили расклад сил в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русско-китайские отношения, Великий чайный путь, Кяхта, Китай, торговля чаем, провинция Хубэй, чаоторговцы в Ханькоу.

История российско-китайских связей насчитывает 400 лет, интерес к этой теме и взаимодействию между сторонами с годами не ослабевает. В Китае активно развивают идею восстановления «Шёлкового» и «Чайного пути». Нами исследуется тема чайной торговли и взаимоотношений двух сторон от начала становления отношений и торговли с акцентом на проблемы русских людей в области сотрудничества, торговли и производства чая, чему и посвящена данная статья.

Официальный сухопутный торговый путь между Россией и Китаем возник в 1727 г. и регулировался Кяхтинским договором о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем [1].

* Христолюбова Юлия Сергеевна, отдел Китая ИВ РАН, Москва, Россия; E-mail: chizara30@gmail.com

© Христолюбова Ю.С., 2019

До подписания этого судьбоносного договора основным документом, по которому разрешалась торговля, был Нерчинский договор 1689 г., в котором лишь кратко сказано: «Каким-либо ни есть людем с проезжими грамотами из обоих сторон, для нынешние начатые дружбы, для своих дел в обоих сторонах приезжати и отъезжати до обоих Государств добровольно и покупать и продавать что им надобно да повелено будет» [2, л. 3об].

В Кяхтинском договоре условия сотрудничества стран были расписаны более подробно. И хотя Цинская империя без особого желанья допускала на свою территорию иностранцев, всё же было прописано: «...будет свободное купечество между обоими империями, и число купцов, как прежде сего уже постановлено, не будет более 200 человек, которые по каждых трех летех могут приходить единожды в Пекин. И понеже они будут все купцы, того ради не дастся им корм по-прежнему, и никакая ж пошлина ниже от продающих, ниже от купующих возмется» [1, л. 5].

Так как уже существовала взаимная потребность в товарах, то для постоянной торговли был открыт пропускной пункт на Кяхте: «И кроме купечества между обоими государствами еще на границах ради меньшаго купечества изберется удобное место при Нипкове (Нерчинске) и на Селенгинской Кяхте, где построятся дома и оградятся оградюю, или полисадом, как покажется. И кто-либо похощет итти на оное место купечества ради, да идет токмо прямою дорогою. А ежели кто с ней уклонится, блудя, или на иные места поедут для купечества, да возьмутся товары их на государя» [1, л. 5].

Открытие торговли через Кяхту стало началом широкомасштабного товарообмена между Китаем и Россией. Продажи чая в России постоянно росли. Если в начале XVII века чай только появился в московских лавках, то с заключением в 1727 г. Кяхтинского договора в течение 100 лет чай становится одним из самых активно импортируемых товаров на российско-китайской границе. Причём торговля имела меновой характер, что сдерживало объём импорта необходимых товаров. Потребность русских в китайском чае, шёлке и прочих изделиях была намного больше, что приводило к демпингу и уменьшало выгоды наших купцов. Н.П. Боткин в 1844 г. из Кяхты писал своему отцу, известному московскому чаеоторговцу: «Всё наше несчастье состоит в том, что мы привозим сюда гораздо более товаров, сколько бы требовалось для китайцев... Отчего бывают у нас и уценки, и мы не выдерживаем цены как бы следовало» [20, с. 145].

По данным А.П. Субботина, в России в 1820-х гг. потреблялось около 4 млн ф. чая в г.; в 1840-х около 6 млн ф. (без Сибири и не считая кирпичного чая); а в 1860-х — до 10 млн ф. в Европейской России [18].

Торговые отношения Китая с другими европейскими государствами тоже активно развивались и приводили к аналогичным проблемам торгового баланса. Это в свою очередь порождало конфликты и желание Европы насильно открыть границы Китая своим торговым представителям для более свободных, современных капиталистических отношений.

В 1840-х гг. в ходе споров между Цинским правительством и европейскими торговыми представителями и, как следствие, начавшейся политики большей закрытости Китая, разгорелся вооружённый конфликт, вошедший в историю как Опиумная война. Противостояние окончилось захватом Шанхая в 1842 г. европейской коалицией, а с 1843 г. Шанхай был объявлен открытым для иностранной торговли. Иноземцы развернули бурную торговую деятельность в этом порту, постепенно осваивая по речным артериям и другие города Китая. Россия не принимала никакого участия в Опиумной войне, так как ещё в 1841 г., в самый разгар военных действий, Николай I издал указ о «недопуске в китайские пределы опиума», чем укрепил дружеские отношения с китайской властью [20]. С другой стороны, такая политика невмешательства приводила к тому, что успехи русских торговцев в Китае выглядели более чем скромными на фоне активности других европейских государств.

В 1850-х гг. вспыхнул новый конфликт. Вторая опиумная война привела к очередному поражению Китая. И хотя Россия напрямую не участвовала в военных действиях, она являлась потенциальным источником агрессии. В 1858 г. между побеждённым Китаем и Россией был заключён договор, дающий возможность осваивать некоторые территории Китая.

По Тяньцзиньскому трактату 1858 г. россияне пользовались теми же привилегиями, что и другие европейцы на основании китайских постановлений об иностранной торговле. Кроме сухопутного пути, для России открывались и морские порты. Была оговорена деятельность консулов в открытых для иностранцев портах и распространение российской юрисдикции на русских граждан. Также устанавливалось ежемесячное лёгкое почтовое сообщение письмами между Кяхтой и Пекином, а тяжёлая почта с посылками и вещами отправлялась 4 раза в год. А важный для торговли пункт «В торговле сухопутной впредь не должно быть никаких ограничений относительно числа лиц, в ней участвующих, количества привозимых товаров или употребляемого капитала» [5, л. 66об] открывал возможность широкой предпринимательской деятельности русских купцов на китайской земле.

В Пекинском договоре 1860-го года дополнительно прописывались права, на основании которых русские купцы начали обосновыв-

ваться в Китае в различных городах с целью долгосрочной деятельности: «Как русские в Китае, так и китайские подданные в России, в местах, открытых для торговли, могут заниматься торговыми делами совершенно свободно, без всяких стеснений со стороны местного начальства, посещать также свободно и во всякое время — рынки, лавки, дома местных купцов, продавать и покупать разные товары оптом или в розницу, на деньги, или посредством мены, давать и брать в долг по взаимному доверию. Срок пребывания купцов в местах, где производится торговля, не определяется, а зависит от их собственного усмотрения» [3, л. 7–8].

И если до этого момента русский чайный сухопутный путь начинался в Кяхте, то теперь главная чайная дорога пролегла от города Ханькоу через Кяхту на остальную Россию. Чтобы понять, как жили эти люди, основной деятельностью которых была чайная торговля, обратимся не только к экономическим архивам и правовым документам, но и к мемуарам русских жителей города и соотечественников-путешественников, в разные годы посещавших этот многонациональный город. Благодаря сохранившимся воспоминаниям и документам можно пошагово, из года в год, проследить расцвет и становление русского сообщества в Ханькоу.

В 1860 г. казанский купец Н.А. Иванов впервые приезжает в порт Ханькоу и обнаруживает, что в этом городе, с одной стороны, находятся перекупщики русских тканей, а с другой — крупный центр комиссионной торговли чаем. Ханькоу располагается на берегу реки Янцзы, в прямой связи с Шанхаем в провинции Хубэй, а также в непосредственной близости с другими чайными регионами. Поэтому чай из любой местности достаточно легко проникал на ханькоуский рынок и выбор сырья был очень велик. Безусловно, для русских чае-торговцев Ханькоу стал самым выгодным местом совершения сделок. Теперь можно было закупать товар не у шаньсийских купцов [14], как это было во времена торговли на границе, а самим, по более выгодным ценам, приобретать чай у китайских производителей. И с 1861 г. в Ханькоу начинается русский бизнес. Кроме Н.А. Иванова, ставшего впоследствии вице-консулом Ханькоу, первыми китайскими чайными промышленниками были представители Казани и городов Казанской губернии Г.Е. Окулов и И.Т. Токмаков [16].

Ещё один аспект, повлиявший на выбор Ханькоу как резиденции русского чайного купечества, заключался в следующем. На границе с Кяхтой русские закупали чай у шаньсийских купцов, которые несколько столетий являлись монополистами чайного рынка на границе с Россией. Причём чай в северной провинции Шаньси не произрастает в связи со слишком холодным климатом для приве-

редливого чайного куста. Для поставок в Россию купцы из Шаньси скупали чай по всему Китаю. Но во времена Тайпинских событий (1850–1864 гг.) некоторые восточные чаепроизводящие провинции Китая оказались под властью «революционеров, образовавших государство Тайпин тянь-го». Это временно прервало привычные чайные артерии, и шаньсийцы перешли на чаи провинции Хунань и Хубэй, которые как раз находились по соседству с городом Ханькоу и чаи в которых были представлены в большом количестве [18].

В Китае чайная торговля строилась по следующей схеме. Жители деревень обрабатывали местный чай и продавали его скупщикам. Последние, получая от производителей чай-сырец (毛茶 *мао ча*), дорабатывали его на своих фабриках: сортировали и прессовали. Готовый продукт продавали иностранным компаниям на экспорт [18]. Имея возможность самим скупать чай-сырец, русские купцы кроме комиссионной торговли байховым (рассыпным, крупнолистовым) чаем и китайским кирпичным перешли к собственному производству кирпичного и купажированного чая. В 1863 г. первой заработала фабрика купца Литвинова под названием «Шунь-фэн». Это оказалось до такой степени выгодно, что в 1869 г. в Хунани и Хубэе работало уже 15 русских заводов [8]. Кроме удешевления продукции с помощью прямых закупок сырья и собственного производства открывались и другие возможности для роста бизнеса, теперь можно было покупать и купажировать чай, наиболее востребованные на русском рынке.

Чайных плантаций, которые периодически упоминаются в рассказах о Ханькоу, скорей всего, у русских не было. Об этом писал еще П.Я. Пясецкий, совершивший путешествие в Китай и проведший 2 месяца в Ханькоу в 1874 г.: «Никаких же „собственных чайных плантаций“ в Китае у русских, как и у других иностранцев, нет, и в них надо перестать верить, что бы ни гласили надписи на обёртках, в которых продается чай в розничной продаже: весь он покупается у китайцев и через китайцев, а здешние русские только служат посредниками между туземцами и коммерсантами, живущими в России. Последние присылают ежегодно требования в тот или другой дом на известное количество ящиков чаю и ждут, пока их получат. Сами же русские, живущие здесь, готовят только кирпичный чай на собственных или арендуемых у китайцев фабриках» [15 с. 289–290]. И в более поздний период у других очевидцев нет упоминаний о чайных плантациях в собственности русских, только о фабриках по производству [11; 7].

Для увеличения выгод от чайной торговли предприниматели, и не только российские, придумывали множество нововведений, о которых даже не догадывались китайцы. Основными поставляемыми

чаями на российский рынок были *байховый чай*, *хуасян* и *гуандуй*. *Байховый чай* представляет собой традиционный рассыпной крупнолистовой китайский чай. Цена на него достаточно высока и главный рынок сбыта — внутренний. В Россию его привозили крайне мало по сравнению с другими чаями.

Хуасян (花香 — цветочный аромат. — *Ред.*) — это высевки байховых чаёв, мелкие листья, иногда вместе с корешками, сердцевинки листьев, чайная пыль и старые опавшие листья. Стоимость такой продукции достаточно низкая, аромат и вкус яркий, заваривается насыщено. Именно *хуасян* стал излюбленным чаем на российском рынке, и закупалось его больше всего. Если англичане поставляли его в Европу в рассыпном виде, как недорогой чай, то русские — прессовали. Этому способствовало несколько факторов. Хороший товарный вид такая смесь приобретает именно в прессованном виде и не сильно отличается от *байхового*. На границе России существовали разные пошлины на байховый и кирпичный чай, налоги с последнего были гораздо меньше. Купец П.А. Пономарёв придумал прессовать *хуасян* в кирпичи, чем сразу добился множества преимуществ: дешёвый чай презентабельно выглядел, налог с него уплачивался небольшой, чай занимал меньше места при транспортировке.

Заказы из-за границы на чай иногда превосходили количество отдельных производимых сортов, поэтому европейцами был придуман *гуандуй* (вероятно, *гоудуй* 勾兑. — купаж. — *Ред.*). По нашей терминологии *гуандуй* — это чайный купаж, смесь чаёв из разных местностей, разной стоимости и разных вкусов. Купажирование требует определённой сноровки и подготовки. Составляли чайные смеси европейцы сами: во-первых, не было доверия к китайцам, а во-вторых, в каждой стране сложились свои вкусы, удовлетворить которые и пытались производители. Использовали до 20 сортов чая, которые сначала смешивались в небольшом количестве на пробу, а после, в той же пропорции, засыпались тонкими слоями в амбары, из которых уже лопатами загружали в ящики для экспорта. Таким образом продавцы добивались единообразного вкуса чая в больших партиях [18].

Были и уникальные предпринимательские шаги русских купцов, дававшие им преимущество перед остальными иностранными чайными фирмами, а именно — заблаговременная закупка сырья. Русские отправляли своих представителей непосредственно на места сбора и производства чая, выкупая урожай из первых рук, избегая дальнейшего ажиотажа и слишком больших наценок на чайном рынке в разгар сезона [20].

Русские, открыв чайные фабрики на территории Ханькоу, произвели здесь промышленную революцию. Они начали использовать,

во-первых, изобретённые неким русским паровые ящики для распаривания чая перед прессовкой, во-вторых, гидравлические прессы для его прессовки в чайные кирпичи. По мнению фабрикантов, «эти опыты, по отношению к улучшению производства, дали очень хорошие результаты: прессованный материал сохраняет всецело аромат и даёт чайный настой в три раза крепче против того же самого материала в непрессованном виде, что весьма естественно, так как давление прессы на плитку чая в четверть фунта равняется 3 600 пудам. Вследствие такого громадного давления, раздробляются все ткани чайных листочков и раскрываются мельчайшие микроскопические клеточки, сохраняющие в себе эфирное масло, фибрин, белковину, гематин и теин, которые при обычном способе настоя остаются всегда нераскрытыми и теряются в выварках бесполезно для потребителей» [11, с. 42]. Можно отметить, что на современных крупных фабриках Китая используется именно этот новаторский способ, в противовес традиционному методу сдавливания чая в холщовом мешке между двух камней, который до сих пор сохраняется в мелких фирмах.

Но для русских купцов использование станков не столь значительно сокращало себестоимость, сколько уменьшало количество задействованных в производстве китайцев. Они отмечали постоянное воровство на фабриках, и если рядовые сотрудники воровали чайный лист, то приказчики — более крупные суммы с помощью приписок в счетах. Бороться с этим было бесполезно и даже опасно, так как обиженный китаец мог подговорить работников на бунт или «просто спалить фабрику» [11].

Привоз промышленного оборудования был вполне закономерен. Хотя Россия к середине XIX в. только начинала осваивать буржуазные методы производства, но всё же «допотопные» методы прессовки чая, которые применялись в промышленно отсталом Китае, поражали и её представителей. Пресс «приводится в действие посредством длинного крепкого рычага, который когда, форма кладётся под пресс, находится всегда в вертикальном положении; для того же, чтобы сдавить прессом форму, надо наклонить рычаг вниз до самого пола, что требует довольно большого усилия и достигается при помощи четырёх человек. Один из них восходит на возвышение аршина на два, берется руками за вертикально стоящий рычаг и бросается вместе с ним вниз, описывая своим полётом дугу в четверть круга. Во время этого полёта, два человека стоящие на полу с боков ловят рычаг, и спешат на него сесть, чтобы тяжестью своего тела осадить его к низу ещё больше, и не дать вырваться вверх. Четвёртый рабочий стоит на высоком табурете, против прессы, и держится руками за две привязанные к потолку верёвки и в то время,

когда рычаг с летящим вниз человеком проходит мимо него, он становится одной ногой на его конец и, не выпуская из рук верёвок, опускается с ним вниз, — также помогая весом своего тела нажимать и удерживать рычаг» [15, с. 298–299].

Рабочих и приказчиков из России в Ханькоу не было. В 1862 г. число русских достигало всего 12 человек, в том числе одна семья [8]. А в 1874 г. — 20 человек, в основном молодых и холостых людей, проживающих в трёх домах местных купцов: г. Иванова, г. Токмакова-Шевелёва и г. Родионова [15]. Это были партнёры фирм, управляющие — высший уровень руководства компаний и их семьи. Непосредственно деятельностью рабочих на фабрике управляли приказчики китайцы. Хотя налаживать дело было достаточно трудно, ощущалась нехватка переводчиков, неопределённость быта, отсутствие школ для детей, церковей для верующих и привычных развлечений, всё же постепенно община русских расширялась и обустроивалась.

По воспоминаниям В.В. Крестовского, бывшего в Китае в 1880–1881 гг., «до 1874 года русские жили отдельно от англичан и только несколько человек записались членами местного английского клуба. Но с 1874 года все русские стали записываться его членами и покупать акции. В конце 1875 года П.А. Пономарёв предложил выписывать на клуб несколько газет из России. Таким образом, с 1886 года выписывались четыре газеты и журнал, а в конце 1878 года было решено присоединить к существующей большой английской библиотеке русскую. Для этого сразу ассигновали крупную сумму на закупку русских книг, и ежегодно отчислялось от 25 до 50 фунтов стерлингов (250–500 рублей) на покупку новых. После этого решения, кроме того, некоторые члены клуба пожертвовали в библиотеку свои собственные книги — сочинения Пушкина, Гоголя и других писателей, что составило сразу не менее 100 томов. Это было полезно не только постоянно проживающим русским, но особенно офицерам и командам военных лодок, находящимся тут почти постоянно. С конца 1970-х гг. треть клуба со всей обстановкой уже принадлежала русским, и половине постоянных членов „английского клуба“ составляли русские, другая половина — англичане, французы, немцы, португальцы и американцы. До создания библиотеки в клубе развлекались в основном бильярдом, кеглями, иногда концертами и любительскими спектаклями на клубной театральной сцене» [11, с. 45]. К началу XX века в русском клубе жизнь стала ещё оживлённее: «каждый вечер музыка, по субботам танцы, по воскресеньям концерты классической музыки. В Русском клубе обычно собирались мужчины. Клуб находился довольно далеко, общественного транспорта не было, но они всё равно заходили туда поиграть в домино и выпить» [7, с. 66].

Налаживалась и семейная, размеренная жизнь в Ханькоу. Самая ответственная работа по скупке чая в основном заканчивалась в мае, а после в Ханькоу начинался очень жаркий летний сезон, непривычный для европейцев. Часть купцов с семьями разъезжались, у некоторых появлялись свои «дачные» резиденции в горах Китая, например, в горных курортах Чифу и Кулине. Но летом в Ханькоу продолжался оживленный сезон производства и продажи чая, поэтому зачастую «в горы» отправляли только женщин и детей, а сами купцы оставались следить за делами фирмы [7; 11; 15; 17]. В 1876 г. на деньги русских чаоторговцев, и прежде всего П. Боткина, была построена первая православная церковь святого Александра Невского, так необходимая для местной русской общины [13].

Торговля чаем в Ханькоу шла не всегда гладко. Например, упоминается сильная задержка корреспонденции, что прямо влияло на успех деятельности чайных компаний. Многие заказы на чаи присылались письмами, а опоздания почты на несколько месяцев приводили к невозможности их выполнения, так как сбор и продажа сырья ограничены сезонностью данного продукта. Иногда доходило до разорения фирм, не получавших вовремя заявок из России. Если в первые годы работы в Ханькоу русским доставляли письма через Кяхту–Тяньцзинь–Ханькоу, то к концу 1870-х случился перебой и большинство писем пересылались через Европу, либо сначала в Москву, а потом уже на Кяхту. Таким образом, отмечали задержку корреспонденции до 3 месяцев. Кроме того, постепенно упал интерес к русским тканям, бумажным товарам и морской капусте, которые ранее были широко востребованы, помогали купцам сохранять торговый баланс, приносили дополнительную прибыль [11].

С другой стороны, эти обстоятельства заставляли сосредоточиться купцов Ханькоу на чайном деле, стараясь извлекать максимальную выгоду из самого ходового товара. 23 июня (5 июля) 1883 г. Н.А. Попов, занимавший пост консула в Фучжоу, писал российскому посланнику в Пекине Е.К. Бюцову: «Русские купцы, исполняя комиссии по закупке чая, берут 40% за комиссию, не рискуя ни одним своим грошом. Если же они имеют какой-нибудь капиталец и в состоянии посылать свои чаи в Россию, тогда они имеют „пользы“ процентов 60» [20, с. 148].

Чайный бизнес процветал, и русские купцы осваивали соседние с Ханькоу районы. Так, в 1872 г. из Ханькоу в Фучао отправился торговец М.Ф. Пятков. Фучао являлся одним из древнейших чайных рынков, но до 1872 г. русские им не интересовались. Увидев, что мелкие высевки и чайная пыль там выбрасываются как негодный сор либо продаются за копейки, он начал скупать это сырьё, прессовать и

поставлять на сибирский рынок. Кирпичный чай в итоге стоил в 2/3 дешевле чая в Ханькоу и хорошо реализовывался в Сибири. Так представители русского чайного бизнеса начали обосновываться и в Фучао.

В 1880 г. А.Д. Старцев в рассказе о делах в Ханькоу жаловался В.В. Крестовскому на то, какие потери несёт российская торговля, переправляя чай иностранными пароходными компаниями. Как видно, это была старая наболевшая проблема, потому что уже в 1880 г. М.Г. Шевелёв, будучи с 1874 по 1882 г. одним из партнёров ханькоуской чайной компании «Токмаков, Шевелёв и К^о», основывает дальневосточное пароходство «Шевелёв и К^о». Одной из первых линий этой компании становится путь Владивосток — Шанхай — Ханькоу. А впоследствии открылись и другие морские пути из Владивостока, дав приток капиталов и основу для развития дальнему региону Российской империи. До образования пароходства русским купцам в Ханькоу приходилось перевозить товар английской, американской или китайскими компаниями, что увеличивало финансовую прибыль других государств и усиливало присутствие этих стран в Китае. Поэтому открытие своего пароходства, поддержанное на самом высоком государственном уровне, укрепило позиции русского торгового флота в восточном регионе и подняло престиж Российской Империи [19].

Пребывание русских ещё сильнее закрепило после подписания 21 мая 1896 г. «Положения о русской концессии в Ханькоу». Была определена часть территории города, которая «отдаётся в вечную аренду русскому правительству и все дела в ней ведаются русским консулом» [4].

Осенью 1911 г. русские в Ханькоу приняли невольное участие в Синьхайской революции. Началось с того, что 23 сентября раздался взрыв в одной из квартир на Баошунлин (Баошань-ли 宝善里. — *Ред.*). Как выяснили прибывшие на место полицейские, это был подпольный штаб революционеров. Армия стянулась к Ханькоу, и некоторое время с революционерами шла ожесточённая борьба за город. В ходе обстрелов города под бомбами и пулями пострадали русские дома. Женщин и детей по распоряжению консула экстренно вывезли в Шанхай, а вскоре было принято решение выехать из города всем русским. Так как сражения происходили и на реке, пароход «Полтава» с русскими жителями Ханькоу так и не смог уплыть далеко. Из-за обстрелов ему пришлось вернуться обратно [12].

Но вскоре обычная жизнь Ханькоу опять вошла в своё русло. Более серьёзные потрясения и изменения уклада жизни для жителей Ханькоу принесла не китайская 1911 г., а российская революция 1917 г.

В 1915 г. А.Т. Бельченко был назначен генеральным консулом в Ханькоу, где он официально оставался на посту консула России до 1920 г., а неофициально — ещё несколько десятилетий. После смены власти в России русские диппредставители по договорённости с китайскими властями согласились оставаться на своих постах и выполнять свои обязанности в ожидании признания СССР другими странами.

В Китае миссии и консульства Российской империи были закрыты в 1920-х гг. В здании бывшего Генерального консульства в Ханькоу в 1920–1925 гг. была создана Канцелярия по русским делам, где А.Т. Бельченко был избран представителем русской колонии в Ханькоу. Одновременно он занял место советника по русским делам при Комиссаре по иностранным делам провинции Хубэй. В 1924 г. СССР отказался от притязаний на российские концессии в Китае, поэтому с 1925 по 1938 гг. действовал Комитет защиты прав и интересов русских в Ханькоу, где Бельченко также оставался руководителем. И только в январе 1948 г. он переехал в Америку [10].

Дела чайных фирм пришли в упадок. Сначала русские ждали, когда же опять наладится их устоявшийся бизнес с Россией, а Китай признает новое государство. Но во второй половине 1920-х гг. стало понятно, что старые времена безвозвратно канули в Лету. В. Бутина пишет об этом достаточно сжато, но отражая судьбы многих компаний: «В конце концов, в 1926–1927 гг. фирму Литвинова начали ликвидировать. Всем нужно было искать новую работу. Бензман уехал в Соединённые Штаты. Мой дядя, Унженин, с женой и сестрой в 1930 г. переехал в Париж» [7, с. 70]. В итоге русский чайный бизнес чаепромышленники потеряли. Жили на прошлые доходы, либо в небольшом объёме поставляли чай в Европу [17]. Но в Ханькоу оставалось ещё немало людей, в том числе и эмигрантов, бежавших от советской власти в попытке переждать в Китае становление новой власти.

Всё это время, с 1860-х гг., русские обычаи, язык, культура неизменно сохранялись в сообществе жителей Ханькоу. Оставались вопросы по обучению детей. С одной стороны, здесь постоянно проживало несколько русских семей и количество россиян достигало в конце XIX в. не менее 100 жителей. Упоминается существование в 1907–1911 гг. Русско-китайской школы коммерческих знаний в Ханькоу под руководством Г.А. Софоклова, которая содержалась на деньги чаепромышленников. Школа имела большой успех и высокий спрос среди родителей [13; 6]. С другой стороны, В. Бутина, племянница управляющего фирмы «С.В. Литвинов и К^о», прожившая после революции в Ханькоу долгое время, вспоминает: «До 1917 г. русской школы в Ханькоу не было, поэтому дядя послал свою дочь на семь

лет в Самару, в дом моей бабушки, учиться. Когда она закончила школу и уехала в Ханькоу, как раз тогда произошла революция...». А после переезда в Ханькоу сама племянница «пошла в замечательную школу — двухэтажную, специально выстроенную из расчёта на семь классов, для детей с 7–8 до 14–15 лет. В каждом классе было обычно 2–3 ученика. Школу основали в 1916–1917 гг. „в память освобождения крестьян 19 февраля“» [7, с. 65]. Возможно, до 1916 г. в русских семьях занимались домашним обучением и воспитанием, либо отправляли детей в иностранные школы, но информации об этом мало.

Сразу после Второй мировой войны русские из Китая начали массово уезжать, но окончательно покинули страну только в 1950-х гг. Политическая ситуация настолько изменилась, что китайские власти хотели избавиться от иностранцев на своей земле, а советская власть нуждалась в рабочих руках для освоения целинных земель. Точных данных о происходящем в СССР у эмигрантов и сограждан тогда не было, ходили лишь обрывочные слухи, поэтому многие идеализировали молодое советское государство и стремились вернуться на родину. Уезжали в основном через Шанхай, в том числе и жители Ханькоу. Малая часть русских желала уехать за границу: в Австралию, Латинскую Америку, у кого были связи — в Европу или США, но только не в СССР. Русские в Китае разделились на два лагеря: «заграничников» и «целинников», конфронтация была столь сильной, что рушились семьи, а бывшие друзья переставали здороваться друг с другом. С большими трудностями, поборами и лишениями русские покидали чужую страну, ставшую им почти на 100 лет второй родиной [9].

Таким образом, русская чайная диаспора в Ханькоу исчезла, не стало и старого Ханькоу; теперь это часть более крупного города Ухань. Но жители этого района до сих пор бережно хранят память о русских людях, сделавших этот город «Восточным чайным портом — стартовой точкой чайного пути из Китая в Россию» [13, с. 197]. Промышленные нововведения русских в чайном бизнесе, поставившие производство чая на современные, капиталистические рельсы, Китай впитал и развил. В XIX–XX вв. Россия, имея возможности напрямую выгодно закупать чай, стала одной из «чайных держав», что кроме больших доходов государственной казны, несомненно, положительно отразилось на здоровье населения и снизило потребление алкогольных напитков [18]. Благодаря нуждам чаоторговцев, российский Дальний Восток обзавёлся пароходством, которое напрямую обусловило дальнейший приток капитала; приезд деловых и образованных людей резко ускорил развитие региона как в экономическом, так и в культурном плане [19]. Несомненно, в сложных геополитических реалиях XIX–XX вв. русско-китайские отношения

проверялись на прочность, в том числе и на примере чайной торговли. И хотя большие планы сторон не осуществились, этот несомненно полезный опыт оказался хорошим начинанием и первым серьёзным познанием партнёрства в экзотической отрасли «чайного бизнеса». И русские торговцы в Ханькоу здесь были первопроходцами, которые смогли проявить себя в качестве не боящихся трудностей, смекалистых и упорных предпринимателей, способных работать и развиваться в самых сложных условиях.

Литература

1. *Кяхтинский договор* о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем. — 1727 г. октября 21 / АВПРИ. Ф. Трактаты, оп. 2,1728, д. 24017, л. 3–7 // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. С. 50–60.
2. *Нерчинский договор* России с Китаем. — 1689 г. августа 27 / АВПРИ. Ф. АВПРИ. Ф. Трактаты. Оп. 1.1689, д. 22, л. 2–3об // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. Издание Министерства иностранных дел. СПб., 1889. С. 1–6.
3. *Пекинский дополнительный договор* об определении восточного и западного участков русско-китайской границы, порядке дипломатических отношений и о торговле в Кульдже. — 1860 г. ноября 2 / АВПРИ. Ф. Трактаты, оп. 3. 1860, д. 881/157, л. 1–14 // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. С. 159–172.
4. *Положение о русской концессии в Ханькоу*. — 1896 г., мая 21 / АВПРИ. Ф. Китайский стол, оп. 491. 1851–1916, д. 3455, л. 98об–99об // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905. С. 149–155.
5. *Тяньцзиньский трактат*, заключённый между Россией и Китаем об условиях политических взаимоотношений, торговле, определении границ, изменении регламента и порядка финансирования Пекинской духовной миссии. — 1858 г. июня 1 / АВПРИ. Ф. Трактаты, оп. 3. 1858, д. 879/156, л. 64–69 // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. С. 122–130.
6. *Бутанаева Е.В.* Изучение русского языка в китайских школах: XIX — начало XX вв. (по материалам архивов и библиотек г. Санкт-Петербурга) // Российско-китайские отношения: Сибирский аспект: Материалы международной научной конференции. 1–2 декабря 2016 года / отв. ред. *В.П. Зиновьев*. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2017. С. 42–46.
7. *Бутина В.* «В памяти всплыли образы прошлого...». Ханькоу, Китай. Годы между двумя мировыми войнами / Пер. с англ. *Егора Фалёва* // Вестник Ариаваарты. 2005. № 1–2. С. 64–71.
8. *Дацьиен В.Г.* Русские в Ханькоу. Из истории российско-китайских отношений второй половины XIX — первой половины XX вв. // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов): сб. ст. № 2 / Библиотека Российской академии

наук; отв. ред. *В.П. Леонов*; рук. проекта *Н.В. Колпакова*; сост. *Г.З. Пумпян*. СПб.: БАН, Альфарет, 2012. С. 67–80.

9. *Каневская Г.И.* Исход русских из Китая (по воспоминаниям русских австралийцев) // Вестник ДВО РАН. Владивосток. 2008. № 2. С. 128.

10. *Кононова М.* Русская дипломатия в эмиграции. Вызов Октябрю 1917 г. [Электронный ресурс] / *Кононова М., Сорокина И., Пономарёва А., Тесля А.* Проект РСМД (Русская дипломатия в эмиграции) Российского Совета по Международным Делама // URL: <http://russiancouncil.ru/russian-diplomacy-1917>

11. *Крестовский В.* В дальних водах и странах. В 2-х т. Т. 2 / Пропуски восстановлены по журналу «Русский вестник». М.: «ВЕК», 1997 // URL: <http://etextread.ru/Book/Read/21570>

12. *Лебедев М.* Корреспонденция. Революция в Ханькоу // Китайский благовестник. 1912. № 1. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XX/1900-1920/Kit_blagovestnik/revoluc_chankou_1912.htm

13. *Лю Цзайцзи.* Чайный путь и русская диаспора в Ханькоу / Enciclopedica. Revistă de istorie a științei și studii enciclopedice (Энциклопедика. Исторический журнал энциклопедической науки и исследований). № 1–2 (6–7). Кишинёв, 2014. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/197_204_Chaynyiuy%20put%20i%20russskaya%20diaspora%20v%20Hankou_1.pdf

14. *Плотникова М.М., Косс Р.А.* «Великий чайный путь» и формирование локальной идентичности: на примере гг. Иркутска и Ханькоу // Вестник Пермского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3 (30). С. 128–134.

15. *Пясецкий П.Я.* Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-западный Китай). С 12 рисунками [в каждом томе]. В 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. 560 с.

16. *Свердлова Л.* Как в Казани чаем торговали // Национальный архив Республики Татарстан, НА РТ. Ф. 22, оп. 1, д. 64, л. 206об–207.

17. *Сербский В.* Ханькоу сегодняшнего дня. Беседа с А.А. Фельдгер // Шанхайская Заря, № 1585. Воскресенье, 18 января 1931. С. 9.

18. *Субботин А.П.* (сост.) Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая. СПб., 1892. 706 с. разд. паг., 13 л. ил., карт.

19. *Хохлов А.Н.* Михаил Шевелёв и начало морского судоходства России с Китаем // Вопросы истории, № 9. Сентябрь, 2007. С. 116–125.

20. *Хохлов А.Н.* Торговля и предпринимательская деятельность россиян в Китае во второй половине XIX века // Российская история. 2012. № 3. С. 144–152.

*Yu.S. Khristolyubova**

The Life of the Russian Tea Dealers' Community in Hankow (From the 2nd Half of the XIX to the Middle of the XX Centuries)

ABSTRACT: The article gives a sketch of the life of Russian community of tea traders in Hankow in the period from the 2nd half of the

XIX to the middle of the XX centuries. Thanks to the surviving memoirs, the peculiarities of business management, entrepreneurial innovations, aspects of everyday life, leisure and cultural life of Russian merchants and their families are considered. The reasons for emergence and decline of the Russian tea business in Hankow are analyzed, as geopolitical interests have changed the situation in the region.

KEYWORDS: Russian-Chinese relations, Great Tea Route, Kyakhta, China, tea trade, Hubei province, tea-dealers in Hankow.

* Khristolyubova Yulia Sergeevna, PG Student of the China Department of IOS RAS, Moscow, Russia; E-mail: chizara30@gmail.com